

Повесть В.Быкова «СОТНИКОВ»

«... прежде всего и главным образом меня интересовали два нравственных момента, которые упрощенно можно определить так: что такое человек перед сокрушающей силой бесчеловечных обстоятельств? На что он способен, когда возможности отстоять свою жизнь исчерпаны им до конца и предотвратить смерть невозможно?»

В. Быков

Вступление, переход к аргументации

- 20 век – век глобальных перемен, катастроф, век революций и жесточайших войн. Это переломная эпоха в истории человечества. Люди, попавшие в жернова истории, вынуждены были делать свой нравственный выбор: совершить благородный поступок и погибнуть, отказаться от своих нравственных принципов и сохранить себе жизнь. Что важнее – это каждый решал для себя сам. Порой этот выбор был невыносимо тяжок, раздавливая человека, отступившего от понятий чести, справедливости и добра. Порой и порядочные, честные люди не могли совладать с естественным желанием спасти свою жизнь во что бы то ни стало. Эпоха ломала человеческие души и крушила представления человека о морали, этике, заставляя отрекаться от привычных нравственных ценностей. И только те люди, которые сумели сохранить человеческое достоинство, которые остались верны своим убеждениям, которые не предали свои идеалы, достойны именоваться героями.
- В повести Василя Быкова, как и во многих других произведениях 20-го века, проблема нравственного выбора является основной. Раскрыть тему нравственного выбора невозможно без сопоставительной характеристики главных героев повести – Сотникова и Рыбака.

Введение в текст

- Социально-исторические процессы XX века, во многом носившие трагический характер, породили сложный комплекс проблем, в нравственно-философский смысл которых пытались проникнуть русские писатели. Отсюда центром внимания русской литературы становится исследование судьбы нации и личности в трагический период Великой Отечественной войны.
- Суть художественной концепции В. Быкова в повести "Сотников" состоит в исследовании взаимоотношений человека и обстоятельств, связанных с ними проблем индивидуального нравственного выбора, самопознания и самоопределения человека на войне. С этой целью выбранный автором хронотоп пути неумолимо ведет героев к их последнему пристанищу в доме Демчихи и к той ситуации выбора, который они должны совершить.

Герои

- **Сотников**

- **Рыбак**

- Физически нездоров
- Полон жизненных сил
- Социальное происхождение
- Интеллигент, до войны работал учителем
- Деревенский парень, привык к тяжёлому крестьянскому труду
- Выносливость, способность справляться с жизненными трудностями
- Преодолевает трудности партизанской жизни благодаря силе духа, упорству. Перед тем как попасть в окружение, подбил несколько танков.
- Преодолевает тяготы партизанского быта благодаря физической силе и крепкому здоровью
- Как оказался в партизанском отряде
- По идейным соображениям;
- после того как трижды совершал попытки выйти из окружения;
- стремился бороться с врагом в любых условиях
- Пошёл в партизаны, потому что так поступали многие; оставаться в деревне было опасно – его могли отправить в германское рабство

2) У старосты

- Как в отказе Рыбака расстрелять старосту Петра, вопреки требованиям Сотникова, проявилось различие нравственных позиций товарищей? На чьей стороне автор?

•Склонность к компромиссам

Сотников	Рыбак
К компромиссам не склонен вообще.	Готов идти на компромисс с врагом.
Прекрасно понимает законы войны: если ты пощадишь врага, то погибнешь сам; война диктует свои жёсткие условия	Он терпимее к старосте Петру, служащему немцам.
Уже знает, что такое предательство. Пожалев старосту Петра, партизаны подставляют под удар самих себя.	Ему недостаёт твёрдости характера и последовательности в своих действиях.

3) Перестрелка с полицаями

- Как проявляют себя герои повести в эпизоде перестрелки с полицаями?
- Почему струсивший было Рыбак всё же возвращается на выручку товарищу?

•Отношение к товарищу

Сотников	Рыбак
Стреляет, задерживая врага и давая возможность товарищу уйти	Хочет уйти, но возвращается, боясь объяснений в отряде

4) В хате у Дёмчихи

- Как ведёт себя Дёмчиха во время ареста партизан?
- Сравните поведение женщины и Рыбака.
- Что тревожит каждого из героев?

Дёмчиха	Рыбак	Сотников
Винит в своей беде палачей-фашистов. Даже страх за детей не способен пересилить в ней ненависть к полицаям.	В своих неудачах и аресте винит Сотникова, из-за которого он вынужден был вернуться и попал в плен к фашистам.	Винит себя в аресте женщины и Рыбака.

Вывод

- Для прозы Быкова характерно противопоставление физического и нравственного здоровья человека. Однако ущербность души раскрывается не сразу: необходим **«момент истины»**, ситуация категорического нравственного выбора. В партизанскую разведку отправляются двое: полный жизненных сил Рыбак и не отличающийся мощью интеллигентный Сотников, сам вызвавшийся пойти на задание, несмотря на хворь. Сотников – сугубо штатский человек, до войны работавший учителем в школе. Физическую силу ему заменяет упрямство и сила характера.
- Рыбак же с 12 лет занимался тяжёлым крестьянским трудом, он легче переносил физические нагрузки и тяготы партизанского быта. Рыбак более склонен к нравственному компромиссу. Сотников прекрасно понимает законы войны, он познал, что такое плен, предательство, потому на компромиссы с совестью не шёл.
- Быков не жалеет чёрных красок для изображения полицаев: люди, отступившие от нравственных законов, перестают быть для него людьми.
- Рыбак пытается перехитрить своего врага, не понимая, что уже вступил на путь предательства, потому что поставил собственное спасение выше законов чести, товарищества. Шаг за шагом он постепенно уступает врагу, Сотников, в отличие от Рыбака пытается взять на себя вину других людей, чтобы спасти их, для него важно достойно умереть.

Темы сочинений

- 111. Может ли разум жить в согласии с чувствами?
- 112. Когда чувства берут верх над разумом?
- 113. Какие чувства способны победить разум?
- 211. Какой ценой достается честь?
- 212. Что лежит в основе бесчестия?
- 213. Можно ли простить бесчестие?

-
- Где находится грань между честью и бесчестьем?
 - 3|1. Какова цена жизненного опыта?
 - 3|2. Какие ошибки нельзя простить самому себе?
 - 4|1. Когда победа превращается в поражение?
 - 4|2. Какое сражение нельзя проиграть?
 - 5|1. Чем можно одолеть врага?
 - 5|2. Когда друзья опаснее врагов?

Чувства Сотникова и разум Рыбака

- Что движет поступками каждого из героев?
- Кто из героев «думает», а кто «чувствует»?
- Какие чувства испытывает Сотников на протяжении трех описанных в повести дней?
- Чем руководствуется Рыбак в своих поступках и мыслях?

Рыбак

- Он почти вплотную приблизился к Рыбаку, и тот, почувствовав, что допрос на том, наверно, кончается, почтительно поднялся со стула. Следователь был ему по плечо, и Рыбак подумал, что с легкостью придушил бы этого маломерка. Но, подумав так, он почти испугался своей такой нелепой тут мысли и с деланной преданностью взглянул в живые, с начальственным холодком глаза полицейского.
- – Так вот! Ты нам расскажешь все. Только мы проверим, не думай! Не наврешь – сохраняй жизнь, вступишь в полицию, будешь служить великой Германии...
- – Я? – не поверил Рыбак.
- Ему показалось, что под ногами качнулся пол и стены этого заплыванного помещения раздались вширь. Сквозь минутное замешательство в себе он вдруг ясно ощутил свободу, простор, даже легкое дуновение свежего ветра в поле.

Плен

- Когда в камеру вернули Рыбака, Сотников, как труп, тихо лежал на соломе, с головы до пят накрытый шинелью. Рыбак сразу же опустился рядом, откинул полу шинели, поправил ему руку. Сломанные пальцы Сотникова слиплись в кровавых сгустках, и он ужаснулся при мысли, что то же самое могли сделать и с ним. На первый раз расправа каким-то образом миновала его. Но что будет завтра?
- Конечно, он понимал всю бесчеловечность этого открытия, но, сколько ни думал, неизменно возвращался к мысли, что так будет лучше ему, Рыбаку, да и самому Сотникову, которому после всего, что случилось, все равно уже не жить. А Рыбак, может, еще и вывернется и тогда уж наверняка рассчитается с этими сволочами за его жизнь и за свои страхи тоже. Он вовсе не собирался выдавать им партизанских секретов, ни тем более поступать в полицию, хотя и понимал, что уклониться от нее, видно, будет не просто. Но ему важно было выиграть время – все зависело от того, сколько дней он сумеет продержаться в этом подвале.

Честь – нравственный выбор человека

- От этой мысли Рыбаку стало не по себе, но чем-либо помочь Сотникову он не мог. Полицаи сверху, с пригорка, наверное, отлично видят одинокого на снегу человека, и, хотя пока не бегут к нему – они, безусловно, расстреляют его из винтовок. Если же Рыбак бросится на помощь, убьют обоих – в этом он был уверен. Так случилось во время финской, когда проклятые кукушки набивали по четыре-пять человек за минуту, и все тем же самым примитивным способом: к первому подстреленному бросался на выручку сосед по цепи и тут же ложился рядом; потом к ним полз следующий. И каждый из этих следующих понимал, что его ждет там, но и не мог удержаться, видя, как погибает товарищ.
- Значит, пока есть возможность, надо уходить: Сотникова уже не спасешь. Решив так, Рыбак скоренько забросил за спину карабин, решительным усилием взвалил на плечи овцу и, спотыкаясь о кочки, припустился краем болота.

Сотников

- Смерти в бою он не боялся – перебоился уже за десяток самых безвыходных положений, – страшно было стать для других обузой, как это случилось с их взводным Жмаченко. Осенью в Крыжовском лесу тот был ранен осколком в живот, и они совершенно измучились, пока тащили его по болоту мимо карателей, когда каждому нелегко было уберечь собственную голову. А вечером, когда выбрались в безопасное место, Жмаченко скончался.
- Сотников больше всего боялся именно такой участи...

Честь и бесчестье – два полюса человеческой жизни

- Прежде чем ответить, Рыбак помедлил, испытующе вглядываясь в тощую, туго подпоясанную по короткой шинели фигуру напарника. Он уже знал, что тот не признается, хотя и занемог, будет бодриться: мол, обойдется, – чтобы избежать чужого участия, что ли? Уж чего другого, а самолюбия и упрямства у этого Сотникова хватило бы на троих. Он и на задание попал отчасти из-за своего самолюбия – больной, а не захотел сказать об этом командиру, когда тот у костра подбирал Рыбаку напарника. Сначала были вызваны двое – Вдовец и Глущенко, но Вдовец только что разобрал и принялся чистить свой пулемет, а Глущенко сослался на мокрые ноги: ходил за водой и по колено провалился в трясину. Тогда командир назвал Сотникова, и тот молча поднялся. Когда они уже были в пути и Сотникова начал донимать кашель, Рыбак спросил, почему он смолчал, тогда как двое других отказались, на что Сотников ответил: «Потому и не отказался, что другие отказались». Рыбаку это было не совсем понятно, но погодя он подумал, что в общем беспокоиться не о чем: человек на ногах, стоит ли обращать внимание на какой-то там кашель, от простуды на войне не умирают. Дойдет до жилья, обогреется, поест горячей картошки, и всю хворь как рукой снимет.

- Сотников задышал труднее – от волнения или от хвори; попытался откашляться – в груди зашипело, как на жаровне, и Рыбак испугался: помирает, что ли? Но он не умирал и вскоре, совладав с дыханием, сказал:
- – Напрасно лезешь... в дерьмо! Позоришь красноармейскую честь. Живыми они нас не выпустят.
- – Как сказать. Если постараться...
- – Для кого стараться? – срываясь, зло бросил Сотников и задохнулся. Минуту он мучительно кашлял, потом шумно дышал, затем сказал вдруг упавшим голосом: – Не в карты же играть они тебя в полицию зовут.

- На первый взгляд это казалось странным, но, примирившись с собственной смертью, Сотников на несколько коротких часов приобрел какую-то особую, почти абсолютную независимость от силы своих врагов. Теперь он мог полной мерой позволить себе такое, что в другое время затруднялось обстоятельствами, заботой о сохранении собственной жизни, – теперь он чувствовал в себе новую возможность, не подвластную уже ни врагам, ни обстоятельствам и никому в мире. Он ничего не боялся, и это давало ему определенное преимущество перед другими, равно как и перед собой прежним тоже. Сотников легко и просто, как что-то элементарное и совершенно логическое в его положении, принял последнее теперь решение: взять все на себя. Завтра он скажет следователю, что ходил в разведку, имел задание, в перестрелке ранил полицая, что он – командир Красной Армии и противник фашизма, пусть расстреляют его. Остальные здесь ни при чем.
- По существу, он жертвовал собой ради спасения других, но не менее, чем другим, это пожертвование было необходимо и ему самому. Сотников не мог согласиться с мыслью, что его смерть явится нелепой случайностью по воле этих пьяных прислужников. Как и каждая смерть в борьбе, она должна что-то утверждать, что-то отрицать и по возможности завершить то, что не успела осуществить жизнь. Иначе зачем тогда жизнь? Слишком нелегко дается она человеку, чтобы беззаботно относиться к ее концу.

- «Нет, видно, с ним не сговоришься, с этим чудаком человеком», – подумал Рыбак. Как в жизни, так и перед смертью у него на первом месте твердолюбое упрямство, какие-то принципы, а вообще все дело в характере, так понимал Рыбак. Но ведь кому не известно, что в игре, которая называется жизнью, чаще с выигрышем оказывается тот, кто больше хитрит. Да и как иначе? Действительно, фашизм – машина, подмявшая под свои колеса полмира, разве можно, стоя перед ней, размахивать голыми руками? Может, куда разумнее будет подобраться со стороны и сунуть ей меж колес какую-нибудь рогатину. Пусть напорется да забуксует, дав тем возможность потихоньку смыться к своим.

- Он отчетливо понял это, особенно сейчас, ночью, в минуту тишины, и думал, что ничего уже исправить нельзя. Всегда и всюду он ухитрялся найти какой-нибудь выход, но не теперь. Теперь выхода не было. Исподволь его начал одолевать страх, как в том памятном с детства случае, когда он спас девчат и коня. Но тогда страх пришел позже, а в минуту опасности Коля Рыбак действовал больше инстинктивно, без размышлений, и это, возможно, все и решило. Впрочем, это случилось давно, еще до колхозов, в пору его деревенского детства – что было вспоминать о том? Но почему-то вот вспоминалось, вопреки желанию, – видимо, тот давний случай имел какую-то еще непроясненную связь с его нынешним положением.

Дружба и вражда: чужой среди СВОИХ

- Полицаи:
- Демчиха как-то неожиданно, будто все выплавав, вздохнула и спокойнее уже заметила:
 - – Вот люди! Как звери! Гляди, каким чертом стал Павка этот!
 - – Портнов, что ли? – поддержал разговор Петр.
 - – Ну. Я же его кавалером помню – тогда Павкой звали. А потом на учителя выучился. Евонная матка на хуторе жила, так каждое лето на молочко да на яблочки приезжал. Нагляделась. Такой ласковый был, «добрый день» все раздавал, с мужчинами за ручку здоровался.
 - – Знаю Портнова, а как же, – сказал Петр. – Против бога, бывало, по деревням агитировал. Да так складно...
 - – Гадина он был. И есть гадина. Не все знают только. Культурный!
 - – А полицайчик этот тоже с вашего боку будто?
 - – Стась-то? Наш! Филиппенок младший. Сидел за поножовщину, да пришел в первые дни, как началось. И что выделять стал – страх! В местечке все над евреями измывался. Убивал, говорили. Добра натаскал – божечка мой! Всю хату завалил. А теперь вот и до нас, хрищенных, добрался.
 - – Я вот думаю все, – беспокойно заворошился староста, – ну пусть немцы. Известно, фашисты, чужие люди, чего уж от них ждать. Ну а наши, которые с ними? Как их вот понимать? Жил, ел который, людям в глаза глядел, а теперь заимел винтовку и уже застрелить норовит. И стреляют! Сколько перебили уже...

- Казалось бы, что может быть надежнее военного товарищества! Василь Быков в повести «Сотников» проводит своих героев через такие испытания, которые, оказывается, не каждому по силам. Путь партизан-разведчиков Сотникова и Рыбака изначально труден, экстремален. Но все шло правильно. Закаленные войной мужчины. Более приспособленный к жизни Рыбак поддерживает не вовремя заболевшего напарника по заданию: и поделится припасенной горсточкой пареной ржи (это не мелочь в создавшейся ситуации), и даст вместо шарфа полотенце: «Рыбак откуда-то из-за пазухи вытащил замусоленное, будто портянка, вафельное полотенце и, стряхнув его, повернулся к напарнику.
- – На, обмотай шею. Все теплей будет». И, рискуя жизнью, будет спасать Сотникова под обстрелом... Но в самый критический момент, когда смерть становится неотвратимой, Рыбак решает с фашистами «сыграть в поддавки». А рядом непреклонный, «твердолобый» товарищ, героически презирающий врагов. Он – как укор «всеядному» Рыбаку. Рядом с ним острее чувствуется ужас того, на что решается. Вот если бы его не стало. Самому мерзко от мысли, на которой ловит себя: «Вдруг ему открылось чрезвычайно четко и счастливо: если Сотников умрет, то его, Рыбака, шансы значительно улучшатся. Он сможет сказать что вздумается, других здесь свидетелей нет.
- Конечно, он понимал всю бесчеловечность этого открытия, но, сколько ни думал, неизменно возвращался к мысли, что так будет лучше ему, Рыбаку, да и самому Сотникову, которому после всего, что случилось, все равно уже не жить». Все можно найти оправдание, если враждебные чувства вытесняют дружеские. Можно оправдать даже то, что становишься палачом своего фронтowego друга...
- **IX**

- При пристальном внимании с обеих сторон Рыбак подошел к крыльцу. Каждый его шаг мучительным, ударом отзывался в его душе. Ниточка его еще не окрепшей надежды с каждой секундой готова была навсегда оборваться.
- – Вы согласны вступить в полицию? – спросил следователь.
- – Согласен, – со всей искренностью, на которую был способен, ответил Рыбак.
- Он не сводил своего почти преданного взгляда с несвежего, немолодого, хотя и тщательно выбритого лица Портнова. Следователь и немец обменялись еще несколькими фразами по-немецки.
- – Так. Развязать!
- – Сволочь! – как удар, стукнул его по затылку негромкий злой окрик Сотникова, который тут же и выдал себя знакомым болезненным кашлем.

- Почерневшая его стопа, будто неживая, костяно ковыряла пальцами снег, оставляя на нем неестественные зимой отпечатки. Он молчал, и Рыбак не отважился заговорить с ним. Идя вместе, они уже оказались по разные стороны черты, разделявшей людей на друзей и врагов. Рыбак хотя и чувствовал, будто виноват в чем-то, но старался себя убедить, что большой вины за ним нет. Виноват тот, кто делает что-то по своей злой воле или ради выгоды. А у него какая же выгода? Просто он имел больше возможностей и схитрил, чтобы выжить. Но он не изменник. Во всяком случае, становиться немецким прислужником не собирался. Он все ждал, чтобы улучшить удобный момент – может, сейчас, а может, чуть позже, и только они его увидят...

- Сотникову было мучительно обидно за свое наивное фантазерство – сам потеряв надежду избавиться от смерти, надумал спасти других. Но те, кто только и жаждет любой ценой выжить, заслуживают ли они хотя бы одной отданной за них жизни? Сколько уже их, человеческих жизней, со времен Иисуса Христа было принесено на жертвенный алтарь человечества, и многому ли они научили это человечество? Как и тысячи лет назад, человека снедает в первую очередь забота о самом себе, и самый благородный порыв к добру и справедливости порой кажется со стороны по меньшей мере чудачеством, если не совершенно дремучей глупостью

-
- Теперь, в последние мгновения жизни, он неожиданно утратил прежнюю свою уверенность в праве требовать от других наравне с собой. Рыбак был неплохим партизаном, наверно, считался опытным старшиной в армии, но как человек и гражданин, безусловно, недобрал чего-то. Впрочем, он решил выжить любой ценой – в этом все дело.

Победа и поражение на войне

- Наверно, характер каждой следующей войны складывается не столько из типических закономерностей предыдущей, сколько из незамеченных или игнорированных ее исключений и неожиданностей, что и формирует как ее победы, так и ее поражения. Жаль, что Сотников понял это слишком для себя поздно, когда уроки его короткой фронтовой науки были для него уже бесполезны, а вся его батарейная мощь превратилась в груды покоренного металла на булыжном шоссе под Слонимом.
- Все это представлялось теперь как страшный, кошмарный сон, и, хотя и потом на его долю выпало немало чудовищных испытаний, тот первый бой никогда не изгладится в его памяти.

Победа и поражение

- Они пошли вниз по той самой улице, по которой пришли сюда, однако это уже был совершенно иной путь. Сейчас не было уныния и подавленности – рядом струилась живость, самодовольство, что, впрочем, и не удивляло: он был среди победителей. На полгода, день или час, но чувствовали они себя очень бодро, подогретые сознанием совершенного возмездия или, может, до конца исполненного долга; некоторые вполголоса переговаривались, слышались смешки, остроты, и никто ни разу не оглянулся назад, на арку. Зато на них теперь оглядывались все. Те, что брели с этой акции вдоль обшарпанных стен и заборов, с упреком, страхом, а то и нескрываемой ненавистью в покрасневших от слез женских глазах проводили местечковую шайку предателей. Полицаев, однако, все это нимало не трогало, наверное, сказывалась привычка, на бесправных, запуганных людей они просто не обращали внимания. Рыбак же со все возрастающей тревогой думал, что надо смываться. Может, вон там, на повороте, прыгнуть за изгородь и прорваться из местечка. Хорошо, если близко окажется какой-либо овраг или хотя бы кустарник, а еще лучше лес. Или если бы во дворе попалась под руки лошадь.
- Можно ли считать Рыбака победителем?